

НАЧАЛО МЫШЛЕНИЯ ИЛИ МЫШЛЕНИЕ НАЧАЛА? (О ВОЗМОЖНОСТИ РАЗЛИЧЕНИЯ ДВУХ ТИПОВ НАЧАЛА В ФИЛОСОФИИ ХАЙДЕГГЕРА)

© Е. Ю. Михалева

Михалева
Елена Юрьевна
старший преподаватель
кафедры философии
Самарская
гуманитарная академия

Современный интерес к мышлению не стремится охватить феномен мышления целиком и ограничивается лишь его прикладным аспектом. Казалось бы, о способности человека к мышлению сказано настолько много, что добавить что-либо сложно. Но если задаться вопросом о том, в каком аспекте мышление вызывает интерес, то получится, что вопросы вокруг проблемы мышления в основном связаны с пользой, которую мы получаем от того, что обладаем такой способностью. В данной статье делается попытка на примере философии Хайдеггера показать понимание мышления как способа связи с первоначальным, с неопределимой и ускользающей областью, без которой мышление превращается просто в инструмент совершения логических операций.

Ключевые слова: начальное, экзистенция, озабоченность мышлением, захваченность мышлением, событие, начало, начинание, актуальность.

Под началом мышления подразумевается заключенная в понятии «начало» актуальность. Мышление всегда сопряжено с началом. Сколько тысячелетий ни насчитывала бы история, каждая новая мысль возникает в ней впервые. В способности мыслить, в том, как возникают, точно ниоткуда, мысли, кроется какая-то тайна. В то же время о человеческой способности производить мысли сказано уже столько, что добавить к этому что-то новое и не повториться, наверное, невозможно. Особенно показательно особое внимание к вопросам мышления в современном обществе. Чему, как ни мышлению, уделяется сейчас важное место в психологии, педагогике, в различных эзотерических практиках? Существуют специальные методики раннего развития мышления у ребенка, психологи-

Е. Ю. Михалева

ческие техники, посвященные формированию «позитивного мышления». В последнее время особую популярность обретают теории, согласно которым физическое здоровье напрямую зависит от стиля и содержания мышления индивида. Более того, в изданиях по популярной психологии можно найти советы, как при помощи одного только правильно построенного мышления можно привлечь к себе богатство, любовь, удачу, то есть ценности, традиционно считавшиеся подвластными рациональному контролю лишь частично. Мышление стало восприниматься как грозная мистическая сила, как «оружие», как очень ценный ресурс, имеющийся в распоряжении человека. И потому мышление выступает в современном мире всего лишь как вещь, пусть даже нужная, значимая, элитная вещь, правильно пользуясь которой можно достичь успеха в современном мире.

Здесь обнаруживает себя серьезное противоречие в современном понимании мышления. Мышление предстает как некий внешний инструмент, который служит индивиду, но индивид и мышление оказываются здесь разделенными. Индивид обладает функцией целеполагания, мышление же представляется лишь способом, позволяющим индивиду достичь целей, которые тот, неясно при помощи чего, ставит перед собой. Вопрос же, при помощи чего ставятся цели, — остается без ответа, остается просто незамеченным и даже не поставленным при всем современном интересе к мышлению как процессу. Этот вопрос настолько редко затрагивается, что даже различные тренинговые методики по выработке стиля мышления априори предполагают, что цели, для достижения которых необходимо изменение мышления, сами по себе осмыслены и вопросов о правильной постановке не вызывают. Позиционируя себя как товар, массовый потребитель привык и в своей способности мыслить видеть лишь способ управлять миром, придуманным для удовлетворения его потребностей.

Несомненно, проблема начала мышления вызывает интерес, но каков же характер этого интереса? В своей работе «Что значит мыслить?» Хайдеггер говорит о происхождении слова интерес. «Inter-esse значит: быть среди вещей, между вещей, находиться в центре вещи и стойко стоять при ней. Однако сегодняшний интерес ценит одно лишь интересное. А оно таково, что может уже в следующий момент стать безразличным и смениться чем-то другим, что нас столь же мало касается. Сегодня нередко люди считают, что, находя какую-то вещь интересной, они устаивают ее своим вниманием. На самом же деле такое отношение принижает интересное до уровня безразличного и вскоре отбрасывает как скучное»¹. Можно сделать вывод, современный интерес к проблеме мышления выражается в озабоченности или даже озадаченности мышлением, не имеет ничего общего с захваченностью им.

При этом забывается, что мышление — это не просто одна из игрушек потребителя. Мышление — это то, что создает человека и отличает его от всех других существ. Мышление, способность порождать мысли, потенциально заложенная в каждом возможность быть мыслителем открывает в

¹ Хайдеггер, М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер; пер. А. С. Солодовникова. М., 1991. С. 134.

обычном существовании то, что невозможно увидеть в непосредственном опыте. Способно ли «позитивное» или «креативное» мышление, формируемое в результате массовых тренировок, произвести мысль, которая «всегда есть разоблачение обмана»? Исчерпывает ли модный утилитарный подход к мышлению все, что мы о нем, мышлении, знаем, и в особенности то, чего мы не знаем о нем?

В философии Хайдеггера, которая строится не как поиск ответов, а как вопрошание, мышление относится к сфере до конца не определимого. Именно это до конца не выразимое и становится предметом внимания философа. И это не случайно. По выражению Р. Сафрански, «страстью Хайдеггера было вопрошание, а не ответы»². Что же открывает нам это вопрошание о мышлении? «Для Хайдеггера мысль фундаментально соотносена с немислимим (*Ungedachte*), которое выступает как тот предел мысли, который каждый раз отодвигается языком; отсюда же берет свое происхождение и соотношенность близкого и дальнего, присутствия и отсутствия. Немислимое — это место мысли»³.

Сама по себе физиологическая способность мыслить не обязательно напрямую ведет к полноте развертывания мышления. «Человек может мыслить, поскольку он имеет возможность для этого. Но одна лишь эта возможность еще не гарантирует нам, что мы можем мыслить»⁴. Привычное, знакомое понятие мышления подвергается Хайдеггером проблематизации. Повседневному мышлению, которым можно пользоваться, которое можно развивать, противопоставляется другое — то, которое захватывает, и, наоборот, именно в этой захваченности и дело. Озабоченность мышлением ставит мышление в позицию внешней по отношению к тому, кто является его носителем. Мышление, взятое без сопряженности мысли и присутствующего в мысли существа, — это лишь способность совершать логические операции, самые простые из которых доступны даже животным.

Отсюда и вытекает отличие мышления-захваченности и мышления-озабоченности. Разница в устремленности мышления, его горизонте. Озабоченность мышлением тонет в вещах, вращается вокруг практических вопросов. Мышление-захваченность касается вопросов, традиционно причисляемых к разряду метафизических. Его отличие в том, что, во-первых, оно захватывает, т. е. ставит под вопрос самого спрашивающего, и, во-вторых, оно выходит за пределы сущего в целом, что как раз является «основным движением метафизики, понимаемой как *ta meta ta physika*, т. е. возвышение над сущим как таковым»⁵. Эта открытость миру и отличает мышление,

² Сафрански, Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового; вступ. ст. В. В. Бибикина. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 19.

³ Дорофеев, Д. Ю. Блуждания философа в берете. // <http://anthropology.rchgis.spb.ru/haidegger/haidger.html>

⁴ Хайдеггер, М. Что значит мыслить? // Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер; пер. А. С. Солодовникова. М., 1991. С. 134.

⁵ Ставцева, О. И. Очерк хайдеггеровской философии // Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / отв. ред. М. Я. Корнеев, Е. А. Торчинов. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 29.

которое целиком захватывает нас. Оно принадлежит нам настолько, насколько принадлежим ему мы сами. В результате такого мышления возникают особые — метафизические — понятия. «Они схватывают каждый раз целое, предельные смыслы, вбирающие понятия. Но они — охватывающие понятия еще и во втором, равно существенном и связанном с первым смысле: они всегда захватывают заодно и понимающего человека и его бытие — не задним числом, а так, что первого нет без второго, и наоборот. Нет никакого схватывания целого без захваченности философствующей экзистенции»⁶. Сам по себе вопрос о мышлении традиционно причисляется именно к таким вопросам.

Мышление может пониматься как осуществленное событие Мысли. В этом случае способность мыслить позволяет актуализировать связь с начальным. Начальное — та точка, благодаря которой человек конструируется как существо, знающее о конечности своего существования. И начало в философии Хайдеггера связано с мышлением. Двум обозначенным выше видам мышления в философии Хайдеггера можно найти соответствие двух видов начал — *Anfang* и *Beginn*. Можно предложить для *Anfang* перевод «первоначало» и «начинание» или «почин» для *Beginn*, но это различие достаточно условно и вырастает не из самой природы языка, не из того, что в философии Хайдеггера получило обозначение *Sagens* — способ *проявления себя сказываемым в языке*. Это тонкое различие, предлагаемое Хайдеггером, трудно поддается переводу на русский язык. Основное различие заключается в том, что *Beginn* употребляется в привычном нам значении: это некий процесс, действие, которое совершают люди, начиная что-либо. *Anfang* обозначает не просто начало, а первоначало, которое недоступно человеку. «Начало как первопричина — это нечто иное, нежели начало как почин. Перемена погоды начинается со шторма, ее начало — это прежде воздействующее, полное превращение содержания воздуха. Начало как почин — это то, с чего что-либо поднимается. Начало как первопричина — это из чего нечто возникает. Мировая война началась со столетий духовно-политической истории европейских стран. Мировая война получила свой почин в военных сражениях»⁷. Начало — то, что недоступно человеку. «Тот, кто начинает много, часто никогда не пребывает в начале, Мы, люди, не можем никогда начинать с начала — только Бог умеет это, — а начинаем лишь то, что только ведет в происхождение или только сообщает о нем»⁸.

Категоричность, с которой Хайдеггер говорит о невозможности для человека начинать, в смысле создавать первоначальное, может быть объяс-

⁶ Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики // Время и бытие / М. Хайдеггер. М., 1993. С. 123.

⁷ Vorlesungen 1923-1944 Holderlins Hymnen «Germanien» und «der Rhein» // BAND 39. Freiburger Vorlesung Winterserhefeter 1923V35 herausgegeben von Susanne Ziegler 2., durchgesehene Auflage 1989, © Vittorio Klostermann · Frankfurt am Main · 1980, Satz und Druck: Limburger Vereinsdruckerei GmbH, S. 9 — *перевод автора*.

⁸ Vorlesungen 1923-1944 Holderlins Hymnen «Germanien» und «der Rhein» // BAND 39. Freiburger Vorlesung Winterserhefeter 1923V35 herausgegeben von Susanne Ziegler 2., durchgesehene Auflage 1989, © Vittorio Klostermann · Frankfurt am Main · 1980, Satz und Druck: Limburger Vereinsdruckerei GmbH, S. 10. — *перевод автора*.

нена стремлением радикально развести между собой начало как дело рук человека и абсолютное начало, не то, что начинает человек, а то, что начинается само и, начавшись, захватывает в себя человека. Но при этом самого Хайдеггера называют начинающим. Так, Р. Сафрански в статье «Философствовать — значит мочь начать. Хайдеггер как начинающий» для обозначения начала использует немецкое слово *Anfang*, то есть термин, обозначающий в философии Хайдеггера недостаточное человеческим усилиям первоначало. Но в понимании Сафрански обнаруживать начальное, мыслить его — это и есть начинать. Сафрански не следует хайдеггеровскому разделению начала на два вида, скорее, он оговорит лишь об одном начале, к которому восходят все начинания. «Кому неведом этот восторг начала! Новая жизнь. Новая работа. Новый год. Новое время. /.../ Представляется ясным, почему начальное манит: хочется разделаться с тем, что связывает с прошлым, — с историей, с традицией, с тысячами дел, в которые человек ввязан. Желание начала есть реакция на чувство: человек не живет, а проживается»⁹. Желание «начать все заново», то есть через череду привычного пробиться к началу, как правило, обречено на фиаско. Между началом как возможностью полного обновления, актуализации новых состояний и начинанием, то есть погружением в мир действия, в котором мы застаем себя «всегда уже»¹⁰ пролегает незаметная на первый взгляд, но весьма существенная дистанция. Начальное обнаруживает себя не в изменении и обновлении окружающих обстоятельств, а в способности особым образом помыслить мир как целое. «Все всегда уже началось до того, как *Dasein* с чего-то начало. Это бытие-в-мире и есть самое изначально. Чтобы достичь его, нужно начинать не с “объекта” — мира как такового, предметов, природы и т. п. и не с “субъекта” в смысле субъекта познания»¹¹. Начальное обнаруживает себя в мышлении, но не как наличное сущее, а как неуловимый образ, меняющий мышление и внутренний строй человека. Мышление, направленное к первоначалу, захватывает человека, но он не может до конца убедиться в истинности своих мыслей. Заблуждение является закономерной частью этого пути, настолько, что трудно обозначить его границы. «Заблуждение — это не отдельная ошибка, а господство истории сложных, запутанных способов процесса блуждания»¹². Таким образом, экзистенциальная ситуация, в которой находится человек как мыслящее существо изначально заключает в себе непреодолимую противоречивость. Зная о своей конечности, а также о своей причастности к началу, человек, тем не менее, не может твердо убедиться в этом, не может до конца выразить собственную причастность к первоначалу и может говорить об этом лишь иносказательно. И философия не пытается решить это противоречие, а лишь напоминает о нем. «Но так как истина в ее полноте включает

⁹ Сафрански, Р. Философствовать — значит мочь начать. Хайдеггер как начинающий / пер. с нем. К. В. Бандуровского // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 97.

¹⁰ См.: Там же. С. 99.

¹¹ Там же. С. 99.

¹² Хайдеггер, М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер; пер. А. С. Солодовникова. М., 1991. С. 45.

в себя неистину и, предваряя вся и все, властвует как сокрытие (тайны), философия как выяснение этой истины находится в разладе с самой собой. Ее мышление — это спокойствие кротости, которая не изменяет сущему в целом в его сокрытости. Ее мышление может стать также решимостью, характеризующей строгость, которая не взрывает укрытие, а принуждает беззащитную сущность выйти в простоту понятийного и таким образом в ее собственную истину»¹³. Обращение к началу заключает в себе риск для мысли и для ее носителя. «Перед нами ситуация, в которой человек, стремясь овладеть сверхвластью бытия, выступает против себя, приносит себя в жертву, так как не может не проиграть эту битву — ведь как раз в самом нескончаемом процессе штурма и неизменно следующего за ним отката и являет себя бытие»¹⁴.

Обращаясь к первоначальному, мышление теряет устойчивость, его практическая полезность, о которой было сказано вначале, в данном случае не срабатывает, так как не опирается на традицию. «Дело мышления ... — это то, что всегда еще предстоит открыть, но что уже сейчас значительно менее законченно, чем та форма, в которую оно отлилось изначально. Изначальное в понимании Хайдеггера не обнаруживается в традиции в готовом виде: перечитывая, его нужно мучительно создавать»¹⁵. Здесь-то и проседает способность человека к накоплению знаний, к накоплению опыта. То, что имеет отношение к началу, невозможно понять однажды, как теорему, а потом все время этим пониманием пользоваться. Начальное неуловимо, оно сопротивляется попыткам отлить с него готовую форму, в нем выражена текучесть и актуальность. С точки зрения здравого смысла обращение к началу означает отрыв от традиции — своего рода безумие. Но именно захваченность мышлением о первоначальном позволяет обнаружить в качестве целого само мышление, носителя мышления и весь мир в их взаимопринадлежности.

¹³ Хайдеггер, М. О сущности истины // Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер; пер. А. С. Солодовникова. М., 1991. С. 47.

¹⁴ Дорофеев, Д. Ю. Блуждания философа в берете // <http://anthropology.rchgi.spb.ru/haidegger/haidger.html>

¹⁵ Рыклин, М. Метаморфозы великих гномов // Топос. Литературно-философский журнал (12/09/05).